

Александр Уваров

Пять из пяти

Annotation

Дамы и господа! Сегодня наш клуб приготовил для вас особое развлечение: кровавый цирк. Этим вечером на арене: расчленение заживо, сожжение, вбивание гвоздей в череп, утопление и четвертование, а также акробатика, забавные зверюшки и клоунские репризы. Никакой подделки, дамы и господа, никаких мошеннических трюков: самые настоящие опилки и самая что ни на есть подлинная кровь! Спешите за билетами, дамы и господа! Представление начинается!

ПЯТЬ ИЗ ПЯТИ

День восьмой.

Он обрил себе голову в знак выздоровления.

Мутная лампочка облеплена мёртвыми, высохшими мухами – тени мух с раскинутыми лапами плывут по стене всякий раз, когда лампу качает сквозняк.

Карлик ходит по клетке – худой, лысый. Голова его блестит от крема, дешёвого крема после бритья. Пахнет парикмахерской.

За прутьями – шум.

Рыжего вырвало. Стоит ему разволноваться – и тошнота одолевает его, каждый раз доводя до долгой, мучительной рвоты.

Полуголые охранники бродят по коридору. Серые тела, массивные, бесформенные, оплывшие жиром торсы. Куда они годятся, наши сторожа?

Едва ли допустили бы их к охране более опасных узников. Тех, что могут напасть.

По мнению директора, мы – безопасны. Нас могут охранять и эти ожиревшие, еле ползающие по тёмным, пыльным коридорам лентяи.

Иногда, мне кажется, что они засыпают на ходу. Вот тот, лысоватый (или то плешь... больная кожа? волосы выпали от болезни?.. одному из негодяев года два назад кипятком плеснули на голову – принял участие в представлении... уж не этому ли?), с лицом, смятым в глубокие складки, с маленькими, белыми, неподвижными гвоздиками-глазками, с руками-брёвнами, с... Так вот он точно спит!

Идёт по коридору. Проходит мимо моей клетки. И замирает. Надолго. На пять минут, на семь, на десять. Иногда – на пятнадцать.

Из угла моего мне не видно его лица. Но я готов поклясться – он спит! Вот так – стоя. И абсолютно бесшумно. Без сопения, ворчания, и, уж понятно, без храпа.

А можно ли стоя храпеть? Сосед мой, Карлик (что болел, но выздоровел и ходит по клетке теперь счастливый и лысый... бритву у него не отобрали! по условиям контракта он продал свою жизнь вместе с бритвой) утверждает, что это вполне возможно. И он даже знает людей (нет, не из охранников... да охранники, пожалуй, и не люди вовсе), что могут заснуть стоя и потом (минут через двадцать) – захрапеть.

Карлик их видел, этих людей. А я – нет.

У охранника (лысоватого, толстого... да, чуть не забыл – у него ещё татуировка на левом плече – штурвал в венке канатов) постоянно торчат пассатижи из заднего кармана мешковатых, вечно измятых штанов. Интересно, зачем они ему?

Карлик сказал, что этими вот пассатижами охранник вырывает зубы.

«Не все артисты талантливы» сказал Карлик.

И рассмеялся.

Он очень переживал, что так не ко времени заболел. Боялся, что в свой черёд не сможет принять участие в представлении. Его очередь – через два дня. Он – первый.

Теперь он весел, доволен собой. Он тщательно разучивает свою роль.

«Я понравлюсь зрителям!» говорит он, и лицо его сияет от счастья.

Кстати, не я прозвал его Карликом. Не охранники. И не директор.

Он сам попросил себя так называть. Хотя, что он за карлик? Так, метра полтора ростом.

По-моему, вполне нормальный рост. Вовсе не карлик...

Или это – имя? Такое вот имя – Карлик?

Почему бы и нет. Разве мало странных имён на свете.

Или ему нравится быть карликом? Нравится, что называют его Карликом?

«Нежное звучание... Хорошее слово!» сказал он как-то.

Рыжий... Он и в самом деле рыжий. Огненно-рыжий. Он говорит, что мучения рыжих нравятся зрителям. Он уже придумал пару трюков и, кажется, успел их обсудить со своим старшим партнёром, почтенным скульптором Николаем...

Да, к нему уже допустили скульптора. Выступление Рыжего – через день после того, как Повар обретёт бессмертие.

Рыжий шептался со старшим партнёром, размахивал руками (на время консультаций цепи снимают; после открытия сезона, а, может, уже и завтра их снимут вовсе), втолковывал ему что-то. Почтенный скульптор поначалу, похоже, идей его не принимал, но Рыжий был настойчив и через пару часов убедил Николая в своей правоте.

Николай (с сомнениями и возражениями) принял-таки его поправки в сценарий. И лишь

попросил Рыжего перед самым уходом:

«Ты уж не подведи меня, партнёр. Сам понимаешь – вживую работаем, дублей не будет».

«А как же!» радостно воскликнул Рыжий. «Не извольте беспокоиться, почтенный мастер! Тело моё подарит вам такую славу, такую!.. Перфоманс будет – отпад! Высший класс!»

И после ухода почтенного скульптора Рыжий всё никак не мог успокоиться: бегал по клетке, тряся, орал что-то несуразное, плевался в ползавших по коридору охранников. На него и цепи-то никак не могли надеть. Пришлось охранникам, побив слегка Рыжего (вообще-то, после консультаций охранники бить артистов не имеют права, но тут Рыжий такое творил, что старший надзиратель отвернулся и позволил охранникам поработать немного дубинками), затащить его в дальний угол, у душевых кабинок, и поливать ледяной водой из шланга.

Тогда только Рыжий успокоился и покорно протянул руки под сталь оков. Заклепали его тогда на совесть – он еле ползает по клетке. Цепи ему навесили тройные. Когда он ползает, волоча за собой звенящую сталь – оглохнуть можно.

Но Рыжий теперь почти не ползает. Или притомился уже, или бережёт силы для представления.

Ещё есть одна женщина. Да, в нашей группе – одна. Мало стало артисток, сейчас на эту сцену больше мужчины идут. Особенность жанра, что поделать...

Её зовут Вероника. Конечно, тоже не настоящее имя... А у кого из нас настоящее? Одни сценические псевдонимы.

Ей лет тридцать, вроде бы... Точно не определишь. Вроде, она ещё молода и сохранила прежнюю красоту (о, когда она, безусловно, была очень, очень красива!). Но что-то случилось у неё... Какая-то история. Она резала вены, её спасли. Теперь здесь – служит искусству.

Да, конечно. Артист не должен иметь шрамов. Отметин. Ссадины, синяки, кровоподтёки – не в счёт (иначе как бы развлекались охранники?). Но шрамы не приветствуются. То – артисты.

Артисткам – можно. Я уже говорил – женщин мало. Им многое прощается.

Итого – трое.

Четвёртый – Повар. Он действительно когда-то был поваром. Ему нравится (точнее, нравилось) готовить. Теперь и он – артист. Он сказал по секрету Рыжему (а разве рыжий удержит секрет дольше одной минуты?), что хочет применить свои познания в кулинарном ремесле для своего выступления. И собирается подбросить пару замечательных идей своему

старшему партнёру.

«Мастер сам до такого не додумается! Никогда! Я сделаю его суперпопулярным! Он обязательно попросит сохранить мою голову в формалине! Такого прежде не было, честь мне будет невиданная! Правду говорю, поверьте мне. А второй, это очень выигрышный номер. Первого забывают, на последнего и не смотрят, второго только помнят.»

Рыжий после этих слов Повара совсем извёлся. Его даже стало рвать (не сразу – часа через полтора). И тогда-то совсем свихнулся на своём выступлении, на великих своих идеях. Его голова, верно, тоже захотела в формалин.

Мечты, мечты...

Пятый – я. Хорёк.

Брожу по камере в серо-жёлтой артистической робе.

Моё выступление ещё не скоро. По правде сказать, я выступаю последним. Так что есть у нас время...

Да, пятеро. Обычная практика – пять человек в труппе. Или в группе?

Здесь принято говорить: «в группе».

Один сезон – пять выступлений. Это проверено на практике – пять выступлений, не больше. А то мы надоедим публике...

Вы знаете, какая у нас щедрая публика? Какие деньги она платит за наши выступления... Нет, не нам. Конечно, не нам. А зачем нам деньги? Мы и так счастливы.

Многим ли дана честь выйти на сцену Белого клуба? Закрытого клуба...

Молчу. Молчу.

Итак, Рыжий скоро открывает сезон.

Удачи тебе, Рыжий!

Капала вода из крана. Карлик вечно до конца не закручивает кран.

Директор (да, сегодня к нам заходил сам директор Белого клуба!) сделал сегодня ему замечание. Прямо во время торжественной встречи с актёрами...

Да, именно так и сказал:

«Уважаемый партнёр Карлик! Если бы вам платили жалование, то я непременно вычел бы у вас стоимость попусту потраченной воды. Охранники доложили мне, что из вашей камеры постоянно доносится звук падающих капель. Возможно, вы напряжённо готовитесь к представлению и, будучи человеком искусства, служителем, так сказать, Мельпомены, не обращаете внимания на такие мелочи, как экономия воды и бережное отношение к водопроводной технике, которая вверена, хоть и временно, вашему попечению. Однако я, как человек, отвечающий за эффективную и бесперебойную работу доверенного моего управлению клуба, вынужден сделать вам замечание и попросить впредь...»

Далее он очень долго распространялся о том, что некоторые артисты, коим выпала честь выступать на столь престижной сцене, перед избранной публикой, тонкими ценителями изысканных театральных постановок и гениальных тело-инсталляций... В общем, артисты эти... Директор долго подбирал подходящее слово.

Секретарь подсказал шёпотом (но почему-то так, что слышали все артисты, свита директора, приглашённые скульпторы, певцы, музыканты, пара акробатов, что стояли у самой двери, и даже, кажется, половина наших тугоухих охранников): «Звёздная!»

– Что? – переспросил директор.

И, отмахнувшись от секретаря с его надоедливymi подсказками, продолжил:

– Заболевают, в общем, и начинают вести себя непотребно. Бывает даже – во время представления автографы публике раздают! Каково?

– Правильно! – поддержал директора скульптор Андрон (тот, что будет выступать с Карликом... не самый лучший старший партнёр достался Карлику!). – Я вот в прошлый раз на крючья одного подвешивал. Подвешиваю – а он, зараза, зрителям открытки какие-то подписывает. Нет, вы только представьте! Висит на крюках, верёвка через блоки перекинута, я его тяну, он, подлец такой, верещит как резаный (хотя он и не резаный вовсе, а всего лишь крюками проткнутый!) – и при том ещё автографы раздаёт направо и налево. Ведь бывают же негодяи!

– Заткнитесь, пожалуйста, – сделал ему замечание секретарь. – Директор ещё не закончил.

И то верно! Чего это скульптор самого директора клуба прерывает? Тоже мне, нашёл, о чём рассказывать! Да таких историй любой скульптор, что хоть пару сезонов в клубе отработал, может... Может пару и припомнить! Да, пару и припомнить, потому что за один сезон скульптор один раз и выступает. Но уж раз в сезон что-то подобное происходит. Я вот с уверенностью могу сказать, что на каждом представлении что-то подобное происходит. Мы ведь живую работаем.

Игра наша на сцене непредсказуема. Тем и прекрасна! Каждый раз, когда артист Белого клуба выходит на сцену – вступает он в особое пространство, пространство свободы,

творчества без границ и запретов, игры большей, чем жизнь, игры более реальной, чем сама жизнь.

Жизнь может обмануть. Наша игра – никогда. И вот...

Впрочем, я отвлекся. Мы ещё поговорим с Карликом... О чём? Нет, позже, позже!

Итак, директор сделал замечание Карлику. И позволил охранникам слегка поколачивать забывчивого артиста, чтобы привить ему такие полезные качества характера как собранность, внимательность, вежливость (в особенности по отношению к начальству... Карлик и в самом деле часто дерзит в ответ на безусловно справедливые замечания руководства!), а так же бережное отношение к чужой собственности.

Карлик выслушал господина директора, вежливо поблагодарил его за полезные советы и наставления. Потом встал (да, во время встречи нам разрешили сидеть на стульях, а не как обычно в наших камерах-клетках – на полу), повернулся задом к господину директору, снял штаны и согнулся в глубоком поклоне.

Вероника стал визжать, Рыжего опять вырвало (прямо Повару на спину... а нечего было в первый ряд садиться!), акробаты прыснули злорадным смешком (им директор, говорят, в прошлом месяце зарплату урезал), а почтенные скульпторы, все как один, отвернулись – в стороны, только все почему-то в разные.

Охранники секунд десять, если не больше, стояли в ступоре (а Карлик так всё это время побелевшему директору зад свой нежно-розовый и демонстрировал). Ну говорю – жирные они, бегемоты, и тупые до крайности! Резвыми становятся, только когда до дубинок дорвутся или там до плёток кожаных... А лысоватый, стоматолог-самоучка, и пассатижами лихо щёлкает.

Секунд десять охранники посопели, глазками похлопали...

Секретарь зашипел:

– А вот уволить кого? Или, может, в хор, на сцену нашу отправить?!

Тут-то жирные и очнулись!

Кинулись, подхватили Карлика (как был – согнутого, со спущенными штанами) – и понесли куда-то.

«А вы порепетируйте с ним, порепетируйте!» злорадно захихикал скульптор Андрон.

Потом ладонь правую в кулак сжал, большой палец отогнул – и начал им куда-то в сторону пола тыкать.

Патрицием, что ли, себя возомнил?

Того, дурак, не понял, что если охранники сдуру Карлика забьют – так он без партнёра останется. И с кем ему тогда на сцену выйти? Себя самого резцом обработать? Так на то особый талант нужен. У Андрона его точно нет. Не тот это человек, не тот...

Балда, одним словом.

Карлик, конечно, за стеной повизгивал, но директор речь свою продолжил.

Да, ответственная была встреча, ничего не скажешь.

Это, понятно, традиция такая: перед открытием сезона директор непременно со всей группой встречается. И, конечно, предмет особой его заботы и внимания – артисты. Хоть мы в группе – переменный состав. Каждый сезон – новые.

Зато на нас, на нашей игре и держатся все представления. Клуб на нас держится!

Это ведь, если подумать хорошенько, каждый из нас по отдельности – переменный состав. Но артисты в целом, как коллектив, как часть клуба – состав как раз самый постоянный.

Без акробатов можно обойтись? Вполне!

Без охранников? Сложно, но можно. Действительно, ну зачем нас охранять? Мы же все добровольцы. Мы же сами рвёмся на сцену. Чего ради в клетках держать? Так уж, ради клубных традиций. А охранники-дармоеды зачем?

Нет, понятно, что артисты – народ сложный, неуправляемый, непредсказуемый, склонный к капризам, истерике, а то и просто-таки к безумию полному. Так что какой-то контроль необходим (клуб – организация серьёзная, солидная!). Но эти-то, толстомордые...

Им ли с артистами работать? Да им только... Впрочем, что они вообще могут делать?

Правда, я слышал, что иногда их просят... Нет, не то слово. Они не знают, что такое просьба. Этого слова в их убогом словаре попросту нет.

И не приглашают. Они не понимают, как кого-то куда-то можно приглашать. Вот притащить куда-нибудь, заломив руки за спину – это другое дело. Это понятно.

Так что не просят их и не приглашают, а приказывают – принять участие в представлении. Нет, вы чего-нибудь такого не подумайте, не представляйте (даже ненароком) – не в артисты же их записывают. Вовсе нет!

Так, по мелочи – канат какой подержать, цепь подтянуть, котёл в водой перенести. Этот,

лысоватый (он, вроде, моряк бывший... мы с Рыжым недавно договорились его Боцманом называть – так его отличить проще от остальных болванов из охраны... среди них аккурат сегодня ещё две с лысынами появились... кожа у них жирная, да и волосы моют редко... оттого, верно, и лысеют до срока) – так вот, он на баяне играть умеет.

Правда, песню знает только одну, её постоянно на всех представлениях и исполняет. Песня, говорят, хорошая, нежная, душевная.

И голос у Боцмана... Нет, так-то грубый, хриплый, еле слова выщипывает, иногда кажется, что он их через губу сплёвывает. А вот как петь начнёт – так совсем другое дело. Я-то сам пока не видел (сезон ещё не открылся), но акробат один вчера рассказал: трогательная картина, прямо за душу берёт. Сидит Боцман, меха разворачивает, а сам – голову запрокинул, глаза закатил, и басом, но протяжным таким, будто печальный гудок паровой – выводит, с чувством так, в надрыв срываясь.

Артиста тогда на жаровню положили (акробат за кулисами стоял, но ему хорошо всё было видно, тем более, что свет на сцену яркий дали, все софиты включены были и без всяких там светофильтров – простота, суровый лаконизм, сдержанность форм, понимаете ли, кульминация действия – ничего не отвлекает от обнажённого тела артиста, от алого пламени, от красной, раскалившейся решётки жаровни), он, конечно, старался – кричал так, что у зрителей в первом ряду уши закладывало, извивался отчаянно, когда его цепями к решётке прикручивали ассистенты скульптора (на них, понятно, асбестовые рукавицы были... да разве они ТАКУЮ боль сыграют?), чуть было самого скульптора не укусил.

А Боцман – играл себе да песню душевную пел. Так и сидел – с запрокинутой головой, с закрытыми глазами. И публика ему так потом аплодировала!

Если б артист дожил до окончания представления – так весь бы иззавидовался, что не ему на этот раз слава досталась, а (подумать только!) охраннику. Так что здорово, что помер он быстро и аплодисментов этих, не ему предназначенных, не услышал.

Нет, я не потому охранников бесполезными и никчёмными людьми считаю, что редкой славе их завидую. Им-то (да и то не всем, двум-трём, от силы) слава и впрямь достаётся по случаю... Случайно, то есть.

А нам, артистам, всегда! Даже тому бедняге, что аплодисментов своих законных лишился, и то кусочек славы достался. Хоронили-то всё равно с почестями, как положено! Гроб белым бархатом накрыт, два жонглёра в почётном карауле, акробаты с венками висят на трапециях, конференсье в чёрном фраке... Чёрная лента конвейера медленно, осторожно несёт радужный гроб в раскрывающую створки печь крематория, в глубине которой пляшут уже, всё выше и выше подсакивая, радостные, оранжевые языки пламени. Все плачут и улыбаются сквозь слёзы... А наутро – прах артиста развеют над полями. Там, далеко, за городом... С вертолёта, так, чтобы частички сгоревшего тела подхватил вихрь воздушных струй, летящих прочь от бешено крутящегося винта, подхватил и понёс вдаль, вдаль. И тело

развешанное, разнесённое на километры перемешалось с воздухом, с землёй, с дождями, с туманом, с листьями, с травой... В конце концов – с дыханием людей, чёрт возьми!

Ну разве кому-нибудь может судьба подарить такую блаженную смерть, такие похороны, такое бессмертие?

Кто же ещё способен сохранить первозданную чистоту искусства, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (да, именно так!), представления подлинных страстей, подлинных переживаний, истинных (уж точно не наигранных!) чувств как не мы – артисты Белого клуба!

И не каждый по отдельности, а именно мы – все, в целом, в едином вечном, бессмертном организме Артиста, каждые два месяца отсекающего, прижигающего, убивающего отдельные члены многострадального своего тела на сцене Белого клуба, каждые два месяца умирающего в муках, и каждый раз воскресающего, потому что...

– Тихо! – завизжал секретарь.

Это он мне. Я, признаться, увлёкся и начал (непроизвольно, конечно) размахивать руками.

– Изжарить бы тебя, Хорёк, – со сладкой улыбкой прошептал Повар.

И подмигнул мне.

А один из охранников (из тех двоих, новеньких) заехал мне дубинкой по плечу. Хорошо, что по правому. Левое у меня и так болит (кажется, я его отлежал прошлой ночью... или с сердцем что-то не так?).

А напрасно он меня ударил. Ведь меня охватила такая гордость за свой труд, за дарованную мне судьбой возможность подарить людям счастье, веселье, беззаботный и лёгкий смех, чистую, невинную, истинно детскую радость, что забылся я, охваченный восторгом, и начал махать руками, будто донкихотова мельница крыльями, и едва не задел одного почтенного скульптора, что сидел справа от меня.

– Господи, – вздохнул господин директор, – ну и материал доставили на нынешний сезон! Ну и идиотов припадочных на вербовали! То блюют, то с задницей голой прыгают, то пропеллер у меня перед носом крутят.

– Искусство, господин директор, начинается с преодоления предрассудков,.. – начал было секретарь, но директор тут же прервал его.

– Знаю я, с чего начинается искусство! – заявил он и поднял сжатый кулак. – С насилия! С насилия над собственным телом! Даром мне правление клуба жалование платит?! С насилия!

– Правильно я говорю, сударыня? – обратился он к Веронике.

– Вы-то, господин директор, правильные речи говорите, – жеманным голосом отозвалась Вероника. – Но речи ваши до ушей охранников почему-то не доходят...

«Сука!» в ужасе прошептал кто-то из охранников, сообразив (экие мозговитые среди них иногда попадаются), что сейчас случится донос.

И он случился.

– Меня вот, к примеру, уже второй день никто не насилует, – заявила Вероника. – А мне скоро выступать! Я же так форму могу потерять! Настрой творческий уходит! И номер со мной никто не репетирует, идеи мои никто не обсуждает... Вообще внимания не обращают! Будто я пустое место тут!

Секретарь похлопал глазами. Потом очнулся – вытащил из внутреннего кармана пиджака блокнот, сорвал зубами колпачок ручки – и давай строчить! Только листочки зашелестели...

А директор подумал немного, лоб поморщив, и сказал внушительно:

– Ваши претензии, сударыня, мне понятны. И, коли они справедливы и обоснованы (а секретарь мой на этот счёт непременно распорядится и служебное расследование по всей форме организует), так будут ваши просьбы удовлетворены, и не позднее сегодняшнего вечера. И сцену вам для репетиций предоставим вне всякой очереди, уж поверьте. Мы к дамам, в клубе нашем, всегда с огромным уважением. Пиететом, я бы сказал! Вот так...

– Спасибо вам, господин директор!

Тут Вероника встала и книксен сделал. Села – и снова завела:

– Спасибо большое! Добрый вы человек! Джентльмена – его ж сразу видно. Не какой-нибудь там, а порядочный... Так я говорю? Сразу видно!

И, всплёскивая руками, благодарила до тех пор, пока её охранник слегка за волосы не оттащил. Тогда успокоилась.

А директор речь свою продолжил.

– Друзья мои...

Откашлялся. А Вероника всхлипнула и волосы свои встрёпанные в пучок скручивать стала (вообще-то короткие они у неё, стриженные... брюнетка, вроде, когда-то была, да потом столько раз красилась – цвет теперь у волос, как у той швабры, которой цех малярный после пересменки вымыли). Скрутила – и провололочкой скрученной зашила.

– ...Вы – наша надежда. Ваши выступления – лучшее, что происходит в жизни посетителей нашего клуба, это единственная радость, которая у них есть. Знаете ли вы, как велика любовь зрителей к вам, артистам? Знаете ли вы, можете ли вы представить, как они сопереживают вам, как близко к сердцу принимают... Что они принимают? Что? Господи, каждый раз одно и то же! В общем... И когда, под гром аплодисментов, изуродованное тело артиста уносят со сцены...

Защипила. И язык показала тому охраннику, что за загревок её хватал. А он ей улыбнулся. Может, добрые есть среди охранников? Ведь и их понять можно... Мы-то тут на время, а они... Неужели навсегда?

– ...Смотрите на них, войдите в их души, завладейте их сердцами...

– На хрена? – громко спросил Рыжий.

Задремавшие охранники его не слышали.

– И тогда...

Тут директор прервался. Достал платок, сложил его уголком, тщательно вытер губы. Убрал платок. Глянул мельком в подsunутую ему едва не под самый нос секретарём какую-то жёлтую, смятую бумажку. Покачал головой.

И, не сказав, что именно будет «тогда», перескочил на часть организационную. И на душе его сразу стало спокойно (он и мычать после каждого слова перестал, и складки напряжённые на лице разгладились и глаза он перестал к потолку закатывать).

Оно и видно – о своём заговорил. Родном. Знакомом.

– ...Послезавтра – открытие сезона, – голос директора стал сух и звучал резок, отрывисто (будто каждое слово куском отрезалось, и, быстро и умело взвешенное, выдавалось замершей публике). – Завтра, друзья мои младшие партнёры, у вас пройдут последние репетиции, с графиком которых вас ознакомит старший охранник. Или, если старший охранник не сможет разобраться в напечатанном (а что-то мне подсказывает, что не сможет), то с вами встретится господин старший распорядитель. Скульпторы распечатку репетиций и выступлений могут получить у моего секретаря. Все же остальные участники выступлений, как я уже сказал, получают надлежащие инструкции у распорядителя выступлений либо у старшего охранника. Они могут так же обращаться к тем скульпторам, в инсталляциях которых они будут участвовать... Если, конечно, роли уже распределены. Вы люди творческие, не то, что мы – администраторы, предприниматели, финансисты... Крысы мы, в общем, канцелярские. Так что в творчество ваше мы, конечно, вмешиваться не будем. Созидайте себе на здоровье, что хотите, хорошие мои. Выдумывайте, экспериментируйте, новые формы ищите... В общем, вам видней. Мне что нужно? Что зрителям было хорошо. Интересно. Чтобы время для них летело незаметно и они глаз не могли от сцены отвести.

По правилам нашего клуба каждое представление длится не более... Сколько?

– Сорок минут, – чётко отрапортовал секретарь.

– Именно, – и директор поднял вверх указательный палец.

Замер так на полминуты. Опустил палец. Опять вытер губы платком и продолжил.

– А почему?

Вышколенный секретарь сей явно риторический вопрос оставил, понятное дело, без ответа.

– А потому, дорогие мои, что зритель не должен от нас уставать. Муки наши творческие не должны ему приедаться! Никакой тягомотины! Никаких остановок и перерывов в выступлении, никаких театральных пауз! Ваша игра – особого рода. Каждое ваше выступление – короткое и мощное, словно взрыв. Взрыв! Эмоций, переживаний, молитв о спасении, разбитых надежд на милость Провидения, кусков разнесённой в дребезги во имя любви к зрителю всей вашей жизни – взрыв, мешанина, взлёт к небесам, попытка хоть на мгновение удержаться на пике этого взлёта, и – падение...

Директор замолчал. Стоял недвижно, опустив голову. Смотрел в пол. И все сидели, не шелохнувшись. Может, и впрямь речь его, ровная и бесцветная поначалу, но перешедшая вдруг, неожиданно, в такое странное, необычное для директора выступление, с надрывным криком (таким, что у директора жилы на шее посинели и набухли), и оборвавшаяся в шёпот (прямо на слове «падение») – подействовала на нас?

Нет, не напором, не громкостью своей. Как же сказать... Искренностью, что ли?

Наверное, мы подумали... Да нет, конечно, не мы подумали. Откуда я знаю, что у Рыжего в голове? Или у Повара? А Вероника мысли свои без конца выбалтывает, но ход их всегда такой непредсказуемый, непонятный, непостижимый не слишком искушённым в женской логике хорьковым моим разумом, что я и не пытаюсь в голову её, вечно мукой напудренную, проникнуть. Карлик в тот момент и вовсе...

Об этом потом.

В общем, я-то точно подумал, что директор нас, наверное, любит. Ну, если не нас – так наше творчество. Он ведь только с виду администратор, предприниматель... А в душе-то точно – артист. Конечно, не как мы. Может, да наших высот... Но как бы иначе он труд свой выносил, как бы смог на свете прожить, если бы не было в сердце его (пусть и очень глубоко) спрятана любовь к высокому и трагическому искусству, к перформансам, инсталляциям, скульптурам нашим?

Ведь любовь всегда себя выдаёт. Даже если в глазах её не видно, так уж в голосе,

в срывах этих на крик, в сдавленном шёпоте, в молчании бесконечном – она есть.

Вот так я тогда подумал. И слёзы у меня на глазах навернулись. На правом – крупная. Такая крупная, что не удержалась и капнула вниз. На штаны. На серые штаны в синюю полосу. И пятно на них появилось.

Я зубы сжал, чтобы не всхлипнуть ненароком. И глаза потихоньку вытер. Но мокрота-то, конечно, осталась. И в морщинках, в уголках глаз защипало. Надоедливо так. Почесать захотелось, но решил я, что тут уж точно краснота на коже останется. Ни к чему это...

У меня сейчас... У нас у всех – радость. Это так... Раскис слегка... Мы же такие, эмоциональные. То радость, то слёзы – всё в нашей кошёлке. Так и носимся, так и...

Секретарь посмотрел на часы. Постучал пальцем по циферблату.

– Ах, да!

Директор – будто от сна очнулся. Аж вздрогнул! Руки подпрыгнули...

– Сегодня отдыхайте, друзья мои. Все отдыхайте. Вот время репетиций уточните – и на отдых. Всем сегодня вечером – собираться с силами! И главное – не забудьте, что все артисты группы присутствуют на выступлениях. Один – на сцене. Все остальные – за кулисами, в месте, который господин старший распорядитель вам заранее покажет. Там, кстати, очень удобно. Стулья, знаете ли расставлены, столик, водичка минеральная... Для чего? Чтобы, в случае надобности, ежели (не дай Бог!) выступление каким-либо образом будет сорвано – так сразу со своим номером на сцену пойти. Каждый должен быть к этому готов, а уж господин старший распорядитель вам на месте точно укажет – кому именно. И старшие ваши партнёры будут с вами рядом находиться. И тоже в готовности. И реквизит ваш всегда будет наготове... Так что, независимо от графика выступлений, все номера должны быть отрепетированы к открытию сезона. А, точнее, к завтрашнему вечеру. Пожалуй, всё...

Вот такие слова нам сегодня директор сказал.

Потом, по окончании речи своей директор поправил галстук. Потянул слегка сжимавший ему шею высокий, стоячий, до хруста накрахмаленный воротник белой, но пропотевшей до пятен рубашки.

Повернулся. Подошёл к двери. Остановился, посмотрел на нас, и тут – как крикнет:

– Вон, ублюдки!!

Вот тут-то охранники нас... Кажется, даже скульптору одному досталось.

А директор вышел. Туда, в коридор. Ему тоже отдохнуть надо было.

Охранники нас по комнате гоняли, не выпускали. Ждали, пока директор уйдёт. Когда секретарь сказал, что можно на отдых идти – нас по одному стали выводить.

А господина распорядителя мы не увидели. Не пришёл. Один охранник сказал, что господин старший распорядитель занят, но к вечеру обязательно обойдёт все камеры и с каждым поговорит. О пока ему недосуг...

Вот такая встреча была. Ничего, мне понравилось.

Карлику тоже. Его, оказывается, почти и не били. Охранники редко нас бьют, если начальство на них не смотрит. Да и за что нас бить? Мы хорошие.

Мы могли бы любить всех. И охранников тоже. И скульпторов... Впрочем, мы и так их любим.

Карлик лежит на койке и улыбается. Правда, он без штанов. Говорит – отобрали. Чтобы больше не снимал. Кажется, чёрным маркером ему написали на заднице что-то...

Он не показывает. Лежит и улыбается.

Гад!

Я бы обязательно показал.

А ему – хоть бы что. Бунтарь, нашёлся...

Ещё посмотрим, как ты выступишь! Штаны-то каждый может снимать... Или нет?

А зачем это вообще надо? Это же не часть выступления. Не репетиция. Так, каприз артиста...

А чего хорошим людям настроение портить капризами своими? Дали тебе возможность выступить – пользуйся. Твори! Живи!

А он...

– Ты чего улыбаешься?

– Весело. Всё у нас весело.

И ногами дрыгает.

– Жизнь хорошая, простая такая. Хорёк, простая у нас жизнь?

Странный он сегодня какой-то. Или в роль уже вошёл? В образ свой сценический?

Вот бы узнать, какой у него образ будет. С гримом, должно быть... И костюм он себе, наверное, подобрал такой, что зрители ахнут (потому о штанах своих и не жалеет). Я его насквозь вижу, негодяя этакого! Может даже, и не костюм театральный, а что-нибудь просто потрясающее. Один вот в прошлый сезон стальными проволоками всё тело оплёл, второй – из морга простыню окровавленную выпросил (говорят, реквизитор клубный лично ему по фигуре подгонял).

В самом клубе выбор вполне приличный: тоги римские, доспехи от гладиаторских до рыцарский (есть и тяжёлый доспех, стальной, у этого доспеха шлем глухой, без прорезей – так в нём на углях лежать хорошо... кожа только к металлу прилипает, сначала пузырится, потом прилипает...), плащи венецианские (золотистые, серебряные, красные, синие... каких только расцветок нет! все есть, все!) и карнавальные маски с носами длинными и вороньими клювами, есть рясы монашеские, есть нищих лохмотья, есть фракы, сорочки белоснежные и разноцветные галстуки-бабочки, есть даже водолазные гидрокостюмы (и сборный бассейн в реквизиторской, с прозрачными пластиковыми стенками... о, какой великолепный номер можно придумать с этим бассейном!), есть скафандр космонавта (имитация, конечно, но выглядит внушительно!), есть камзолы знатных вельмож всевозможных стран и эпох, шёлковые и парчовые халаты восточных визирей, залитые маслом (это уже не имитация – масло машинное, самое настоящее... оно же так хорошо горит!) комбинезоны автослесарей (один артист в прошлом году выбрал себе именно такую роль... как же публика аплодировала, когда его голову раздавила в финале спектакля сорвавшаяся с домкрата машина!), в общем – чего только не найдёшь в нашем клубе.

Знаете, чего нет? Чёртова латекса, пошлых кляпов, дурацких плёток, кожаных трусов и чёрных ремней в стальных заклёпках.

Нет! Ни один уважающий себя член клуба никогда, ни при каких условиях не пожелает смотреть выступление с такой вот мерзкой бутафорией, игрушками для трусливых, бездарных, безмозглых имитаторов боли.

Мы возвращаем боли подлинную красоту и достоверность, мы возрождаем правду боли... Так говорили нам! Так говорим мы сами себе! И в это должны поверить зрители!

Наш театр, наш гладиаторский цирк (тот самый, возрождённый в античной своей подлинности, а не привычный плебсу свёкольный-опилочный клоунский, где вместо крови – сок!), наша выставка тело-инсталляций, наш сложнейший сплав искусств, которому ещё и название не придумали – это вершина развития художественных методов познания мира.

Искусство, столь правдивое, что способно не в переносном, а в самом прямом смысле препарировать плоть – что нужно ещё для познания истины?

Каждый сезон на сцене – маленькая репетиция демонтажа бытия.

И мы, те, кто осознал... И нет?

Ни хрена не осознал? Вероника, Рыжий, Карлик, Повар... Каждый получил свою часть истины. Мне, быть может, досталась самая малая. Я всё равно горд, горд безмерно.

Как там, в Святом Писании? Выше звезд трон мой...

– Простая жизнь, Хорёк?

Какой же костюм это шельмец себе для выступления подобрал? Какой реквизит?

Вот ведь, улыбается. Ничего, меня не перехитришь. Я последним выступаю. Большое преимущество, кстати. Если срывов не будет и меня раньше времени на сцену не попросят – все номера успею оценить. И, быть может, свой доработаю...

Вот от этой мысли сразу хорошо стало на душе. Спокойно за себя. Теперь и я улыбаюсь. И отвечаю Карлику:

– Очень хорошая у нас жизнь. И, должно быть, простая. Теперь уже простая.

– Почему – «теперь»? – не унимается Карлик. – Потому, наверное, что мы уже сделали свой выбор. Окончательный выбор. Как говорится, с пути не свернёшь. Или свернёшь? Мог бы ты свернуть, Хорёк?

Вот тут почувствовал я, что он хитрит, зараза. Точно хитрит! Не иначе – выступление мне собрался сорвать. Знаю я этот способ, старый актёрский трюк (предупреждали умные люди) – конкуренту своему, собрату по актёрскому ремеслу, надо сомнения всякие в сознание заронить... дескать, правильный ли путь ты выбрал... достоин ли?.. а, может, чужое место ты занимаешь, да подлинным талантам пробиться не даёшь... вас ведь пятеро всего, а желающих столько... может, и сил тебе не хватит, и таланта – так уж освободи место, пока не поздно... Вот такие мысли внушить хотят! И не выдержит артист, духом упадёт, веру в себя потеряет. А то – вообще из группы уйдёт. А если новичок на его место придёт, да перед самым открытием сезона – он и подготовится толком не успеет. Так помрёт, без изысков артистических. Одним конкурентом меньше. Стало быть, и твоё выступление более выигрышным покажется. А если зрители его выше всех прочих оценят – так есть шанс, что урну с твоим прахом в подвале клуба захоронят, прямо под трубами отопления.

Навеки в клубе... Эх, мечты, мечты...

Ну уж нет! Меня он на такой мякине не проведёт!

– Да, выбор сделан, – отвечаю, – и потому всё просто. Такой выбор хорош именно своей окончательностью. Ведь что самое мучительное в жизни? Постоянство сомнений! Только преодолеваешь один выбор – так сразу надо делать другой. А за ним – ещё один. И ещё один. Вот так и ползёшь через жизнь, будто через горный хребет, где нет перевалов и проходов,

а только – горы и путь – через их вершины. А вершины всё выше и выше. И конца нет. Ползёшь, ползёшь – потом выдыхаешься. И понимаешь, что есть и обходной путь. Вернее, два пути. Первый – вообще не принимать решений.

– Хороший путь! – воскликнул Карлик.

– Второй, – продолжал я, – путь окончательного выбора. Дорога через самую высокую вершину. И за ней – конец горам. Всё! Потому что конец всему. Главное – не ошибиться. Выбрать действительно самую высокую вершину. И перевалить, одолеть её. Мы же одолели?

– Глупость, – отрезал Карлик.

И, изогнувшись, почесал пятку.

– Глупость, – повторил он. – Нет никаких гор, вершин, решений. Ничего нет.

– Как так?

Я не просто удивлён был и ответом его и тем тоном, резким, ироничным, насмешливым, каким это было сказано.

– Почему нет? Разве наш выбор был лёгким? Я, например, долго сомневался, колебался...

– А я ни хрена не колебался, – оборвал мою речь Карлик. – Чего мне колебаться? Я же сумасшедший...

– Как сумасшедший?! – я аж на койке подскочил.

Ну и дела!

– Правда? Действительно – с головой не в порядке? А как же тебя тогда на сцену выпускают?

– А чего им бояться? Боятся им совершенно нечего, – лениво, как бы даже снисходительно, пояснил Карлик. – Всё под контролем. На сцене – скульпторы, ассистенты, акробаты, жонглёры, клоуны, статисты. Вокруг сцены – охранники. Да и в зрительном зале, у стеночек – они же...

– В зрительном зале?! – изумился я. – Даже там?

– Даже там, – подтвердил Карлик. – Так что бояться им, боссам клубным, нечего. Вздумай любой из нас какой-нибудь фортель выкинуть...

– Как ты сегодня, – напомнил я в приступе злопамятства (а ведь речами своими

и впрямь меня разозлил!).

– Как я, – согласился Карлик. – Так вот – никому из нас это с рук не сойдёт. И сделать нам, как бы мы не старались, ничего не дадут. Реакция у наших коллег по клубу просто изумительная.

– Это у охранников-то? – засомневался я.

«Вот братец!» восторжествовал я в душе. «Охранники – тумбы неповоротливые. Им хоть в рожу плюй, да беги прочь – они пять минут соображать будут. А уж если со сцены отсебятину понести – они вообще ничего не поймут. А вот зрители поймут...»

– Охранники?

Карлик скривился. И показал язык таракану, что полз по потолку.

– Вот тебе, гад!

Потом посмотрел на меня грустно и сказал:

– От охранников только сила нужна. И ничего более. Они в системе безопасности клуба – самые бесполезные. Потому всё время и на виду. А вот акробаты, клоуны, жонглёры и, в особенности, ассистенты скульпторов (те, что на сцене работают) – вот эти действительно профессионалы. Бывшие спецназовцы. Ребята опытные, подготовленные. Если начнёшь импровизировать не по тексту – мигом скрутят и за кулисы уволокут. И нового артиста на сцену погонят. Чтобы вечер прошёл без эксцессов, и зрители остались довольны представлением... А тебе там, за кулисами – новый номер придумают. Тут, в клубе, штатный сценарист есть, специально для таких случаев. Уж такую роль напишет – не разочаруешься. Свобода, фантазия, креатив... Одно плохо – умрёшь без зрителей.

– Как?! – возмутился я. – Мы же так не договаривались! Как же – без зрителей?!

– В подвале, – спокойно и невозмутимо пояснил Карлик. – Рядом с захоронением золотых урн... Очень хорошее место, и звукоизоляция там – лучшая во всём здании. А что касается договора – так он не предусматривает импровизаций, выходящих за рамки утверждённого сценария. Коли начал взбрыкивать, так значит разорвал контракт. Нарушил всю планиду свою актёрскую. Над искусством надругался. Так что за такое положено? Наказание в рамках контракта. Роль всё равно сыграешь, но зрителей лишат...

– Подло! – выкрикнул я.

И призадумался.

Не то, чтобы я безоговорочно верил Карлику. Он же человек озлобленный (теперь это ясно!), завистливый (наверняка моему будущему успеху у зрителей завидует), да ещё, как сам

признался, сумасшедший. Можно ли верить ему?

И ещё говорит, что не колебался. Не колебался, значит – не выбирал?

Так что же он тут делает? Чего он хочет?

– Нельзя же отказаться от такой судьбы, – возразил я. – Нет... Может, какое-то наказание и предусмотрено... Какое-то... Но – чисто гипотетически. Где-нибудь в контракте, в пункте «Форс-мажор». Но это вроде извержения вулкана, падения кометы, прилёта инопланетных агрессоров – то есть явлений в принципе возможных, но практически – невероятных. Как же можно, Карлик? Каким бы артист не был безумным, но... Отказаться от славы? От славы?! И где? На сцене! Когда весь путь к триумфальному завершению актёрской карьеры уже почти что пройден, осталось только одно, самое малое усилие, да и усилия-то, по сути дела, никакого делать не нужно – только лишь играть. Играть свободно, легко, беззаботно! Играть самого себя, свою жизнь, свою душу выпустить на волю! Раскрыть себя...

– Вот именно – раскрыть, – мрачно произнёс Карлик. – Не все этого хотят.

– Не все? Но для чего тогда на сцену идти? – спросил я.

«А, может, ты и впрямь в себе не уверен, слабый Карлик? Роль не даётся тебе?»

– Кто-то идёт, – ответил Карлик. – Вот так идёт, идёт... А потом... На сцене, под светом прожекторов, под взглядами зрителей понимает – не его. Не его это судьба, не его дорога, выбор – глупость, глупость, глупость... И что делать с таким артистом? Отпустить со сцены? Сорвать выступление? Оставить в живых и нарушить традиции клуба? И какой пример для других артистов! Нет... Нельзя выпустить, нельзя.

– Подняться на сцену может только доброволец, – напомнил я. – Это традиция клуба. Главное правило. Так?

– Так, – согласился Карлик. – Подняться – да. Но сойти не может никто! Сойти, уйти, уползти, как угодно, но покинуть сам, своей волей и с правом на жизнь не может никто! Это тоже правило клуба. Только один путь, только в одном направлении. И покинуть можно лишь своё тело, не сцену. А разве может быть по-другому? Ведь на сцене – такая страшная, невероятная нагрузка на слабое, хрупкое человеческое сознание, что всякое может случиться... Ой, что только может! Ты мне верь, я же сумасшедший. Я знаю, где границы сознания, я же их пересекал. И не раз... Меня уже пару раз выписывали из клиники... В третий раз я сбежал. Сюда, в клуб. Я измучен, Хорёк...

«Вижу» с готовностью согласился я.

Мысленно, конечно.

– ...Измучен... Пусть не волнуются. Сумасшедшие – только методы. Дороги, по котором идёт ум... Далеко идёт, бедный, далеко. А твой – далеко?

– Я спать хочу, – ответил я. – Давай-ка заканчивать разговоры наши... А то господин старший распорядитель придёт, а мы – как мухи осенние, еле ворочаемся. Он нам и назначит репетиции – на ночь глядя.

– Давай, – согласился Карлик.

Вот такой был сон.

Летний день, берег пруда. Утки плавают, подхватывают брошенные им с берега кусочки булок, расталкивают ряску, шлёпают широкими клювами по воде.

Велосипед мой брошен. В кустах, на берегу. Почти у самой воды. Ноги горят, будто не кровь наполняет их, а переливается во взбухших жилах густой кипятком.

– Ты допрыгался, – говорит она.

Последний, кого мы убили, оказался сотрудником прокуратуры.

Он познакомился с Никой в одном весьма недешёвом ресторане на Арбате. Мы тогда здорово поиздержались на пафосный вечер, но (я сидел за соседним столиком) – стоило того, стоило...

Он подвозил её. Конечно, к ней... То есть – они ехали к нам, к нам домой. Это ведь и мой дом... Вернее, был мой.

Я ехал за ними. Дорога была долгой. Спать хотелось...

Однажды (на светофоре) отстал, потерял их из виду, но, по счастью, она смогла. По счастью, Ника заметила, что в зеркале заднего вида что-то уж очень давно не мелькает отражение моей (теперь – уже её) машины.

Она набрала мой номер. Сказала: «Мама, всё нормально...»

Значит, хамоватый мужик с белыми глазками и отвисшими щеками всё делает правильно. Едет туда, куда надо.

Всё прошло гладко. Она сказала, где припарковать машину. Конечно, я успел их обогнать. Конечно, он едва стоял на ногах.

И куш был тот, что мы ожидали. Всё хорошо, всё правильно...

«Простая у нас жизнь?»

Вот тут-то и выпало из кармана пиджака удостоверение сотрудника прокуратуры. Три полоски цвета «Аквафреш», гадкая рожа – глаза на фотографии получились особенно хорошо. Прямо – как живой.

Вот только тот, не на фотографии, был уже мёртв.

Ника так испугалась, что чуть не кинулась делать ему искусственное дыхание...

Искусство...

Ну да, вспомнили.

Вот и приснился тот день. Не весь, конечно, только малая его часть. Только трава в жёлтых пятнах солнца, жар, запах пота. Аромат её духов.

Она приехала на такси. Она жила на другой квартире. Где- не знаю. Не знаю до сих пор.

Я – по старой памяти. Студенческой, теперь уже почти исчезнувшей памяти – лихо прикатил на велосипеде. Тем более, что до парка в любом случае удобней было на велосипеде.

А на машине...

– Продай ты её, – посоветовала она.

Я так и сделал.

– Ищут, – сказала она. – И скоро найдут. Мне нужно уехать...

Она называла меня по имени. Просто по имени. «Лапой» я уже не был.

А имя своё теперь уже забыл. Но ведь как-то она называла меня?

– У тебя есть мечта? – спросила она.

– Есть, – ответил я.

И впервые признался:

– Красиво умереть.

– Ты убивал красиво, – заметила она. – Ты же знаешь, кто может тебе помочь?

– Знаю, – ответил я.

– А мне, – продолжала она, – можешь помочь только ты. Ты же знаешь, как быстро меня теперь вычислят. Там такие силы брошены на поиск – никакими взятками ментам не отделаешься. Менты на нас и наведут первые. Да и в ресторане этом...

Она замолчала, опустив голову.

– Знакомые там у тебя, – догадался я.

Поздно догадался.

Она кивнула.

– Мне нужны деньги... И – бежать. Понимаешь?..

Она опять назвала моё имя.

– Понимаю.

Теперь она спешно продаёт квартиру, покупает билет. Может, и уехать уже успела? Она же всё делала так быстро...

Впрочем, нет! В постели движения её были плавными, нежными, и руки её едва касались моей кожи, медленно спускаясь по телу... вниз – медленно.

– Ты артист, Хорёк. Ты хорошо пожил. Теперь ты красиво сыграешь – в пьесе с самым непредсказуемым сюжетом. И в твоей роли – ты единственный, неповторимый.

Это уже мой голос, не её.

Да чёрт с ней, Хорёк! Это ведь тоже была роль. Какой из тебя менеджер? Да ещё и запугавшийся в делах?

Одна роль, вторая... Сколько бы ещё ты сыграл ролей в жизни? Каждый раз ты играл бы всё хуже и хуже. И мог бы умереть в неизвестности.

По счастью, судьба добра к тебе. Кто-то там, наверху или внизу, сунул в нагрудный карман потной твоей рубашки визитку с короткой надписью, адресом спасения:

**БЕССМЕРТИЕ
БЕЛЫЙ КЛУБ**

И – телефон.

Мобильный, конечно...

Какой интересный телефон: последние четыре цифры – год моего рождения.

А ещё три... Пять ноль пять.

Теперь я знал. Пять выступления, ноль, пять исполнителей. Пятёрка обнуляет пятёрку. Ноль в конце...

И моё бессмертие.

Чёрт с ними со всеми!

Я просто буду сидеть на берегу пруда, под ивой с серебристыми листьями. Сниму кроссовки, засучу джинсы до колен, сниму хлюпающие от пота носки. И опущу ноги в воду.

В холодную воду.

И буду так сидеть – долго, долго.

Пока не вызовут меня на сцену.

– Очередность выступлений...

Голос – сквошь вату.

«Бу-бум-бу-бу... вам сказали... прошу... пр-р-р-ошу!.. бу-бум»

Тру глаза, тяну вверх свинцовую свою голову. Она перевешивает, падаю на койку. На секунду снова проваливаюсь в сон.

Снова просыпаюсь. Пытаюсь встать.

– А вы, вообще, в хорошей форме?

Вот, клейкие веки разошлись на ширину тонкой щёлочки. Оттягиваю их кончиками пальцев. Провожу ладонями по лицу.

Ну вот, почти проснулся. Сейчас бы встать да водичкой холодной (а горячей, кстати, у нас в клетке нет) в лицо побрызгать.

Сажусь на край койки. Смотрю вперёд, прямо перед собой.

Батюшки! Кто же это? Неужто... Сам господин старший старший распорядитель?

Красавец, ничего не скажешь! Павлин, как есть – павлин. Это не директор с его чёрном

в серую полоску офисном костюме и унылой, как лист конторского ватмана, хотя и тщательно отглаженной белой рубашке. Рубашке, на которой даже прошитая белыми же нитками строчка полностью сливается с тканью, чтобы, не дай бог, узор какой не получился.

А этот... Блеск, красота.

Тёмно-синий бархатный кафтан, усыпанный серебрянными звёздами, зелёные штаны до колен, расшитые золотыми дубовыми листьями; на голове – малиновая феска с оранжевой кисточкой. В руках – жёлтый пергамент, свёрнутый трубочкой. За поясом, широким, тёмно-синим, в цвет кафтана – перо большое, пышное (явно уж не гусиное) заткнуто.

Я уж подумал: «Господи...»

Нет, не так. А вот так:

«Господи! Проснулся ли я?»

Но рядом с господином распорядителем, а точнее – за спиной его (тупым Големом с ноги на ногу переминаясь и сопя отчаянно) стоял Боцман-охранник в серой охранниковой робе (она то ли выцвела у него, то ли запылилась до крайности, так стала мышино-серой).

Вот тут-то мне стало ясно, что я проснулся. Охранник-то мне присниться никак не мог! Не мог!

– Вы как себя чувствуете? – спросил старший старший распорядитель и вынул из-за пояса перо.

Карлик, что на койке беспокойно ворочался, как раз к этому моменту глаза открыл. Голову повернул, увидел господина распорядителя – и захихикал спросонья, пальцем в господина распорядителя затыкал.

– Ты чё это? – забеспокоился Боцман (ему, видно, наказали за Карликом в оба заплывших глаза следить, вот он необычно быстро и среагировал). – Я вот тебе...

– Стоять! – не поворачивая головы, скомандовал старший старший распорядитель.

Охранник замер.

«Ну точно – глина» подумал я.

А Карлик перестал смеяться.

– Я уж подумал – приступ у меня, обрадовался было,.. – проворчал он и, как и я, присел на край койки.

– Имена? – спросил старший старший распорядитель, разворачивая пергамент.

– Я в туалет хочу, – капризным тоном затянул Карлик. – И пить хочу, и ноги мёрзнут. Здесь сквозняк, а одеяло тонкое... А можно, пожалуйста, я possu? А вы отвернётесь?

– Нельзя, – решительно ответил распорядитель. – Это оскорбляет мои эстетические чувства... Кстати, почему вы... с голыми э-э... я бы сказал, с голыми ногами?

– Лишён штанов за дерзость и вызывающее поведение, – чётко отрапортовал Карлик. – А чего это оскорбляет? Сами же по нужде, верно, ходите... Конечно, своё – не оскорбляет, а как артисту помочь, от мучений его избавить, так сразу...

– Мой визит не продлится дольше трёх минут, – прервал его заунывный речитатив господин старший старший распорядитель. – Итак, имена?

– Хорёк, – ответил я.

– Рыжий,.. – ляпнул отчего-то Карлик.

Потом подумал и добавил:

– Или Вероника.

– Так кто именно? – старший старший распорядитель зашуршал пергаментом. – Стойте, здесь путаница какая-то... У Рыжего я уже был, он у меня в списке отмечен.

– А Веронику я сегодня трахать буду по её личной просьбе, – со вздохом добавил Боцман. – В составе группы ответственных исполнителей, по приказу...

– Да замолчите же! – вскипел господин старший старший распорядитель. – Вы кто такой?

«Гад» прошипел Боцман. И, на всякий случай, отодвинулся ближе к решётке, подальше от распорядителя.

– Вспомнить бы,.. – замычал Карлик. – Вспомнить бы, кто я... сумасшедший я... Правильно?

– Имя? – спросил старший старший распорядитель Боцмана.

– Карлик он, – доложил Боцман, подтянув живот и щёлкнув каблуками.

Ботинки у него были сношенные, так что подошва местами отходила, и потому щелчок получился неважный. Глухой, будто в ладоши еле хлопнули. Зря старался...

– Карлик...

Старший старший распорядитель поводил пером по списку, выискивая фамилию...

«Чего там искать?» подумал я. «Артистов-то всего пять».

– Карлик... Ага, нашёл. Вас, друг любезный, отчего-то к акробатам вписали. Надо же, путаница какая! Вот, теперь всё хорошо...

Перо скрипнуло так неожиданно и пронзительно, что я вздрогнул.

– Хорька отметили, Карлика так же... отметили. Вычеркнули из одного списка, и... Что?

Старший старший распорядитель повернулся к Боцману и посмотрел на него вопросительно.

Боцман пожал плечами и тяжело вздохнул.

Старший старший распорядитель повернулся к нам.

– И что? – спросил он нас.

– Вносим в список артистов, – ответил Карлик.

– Молодец! – обрадовался господин старший старший распорядитель. – Умничка лысый! Именно так – вносим...

Скребнув пером по жёлтому листу тонкой кожи, старший распорядитель вытер перо о камзол, свернул пергамент и, глянув на голые ноги Карлика, довольно явственно облизнулся.

«А с карликами-то я...» прошептал он.

– Мне выйти? – робко спросил Боцман. – Или... это... наоборот?

– Стой, я тебе сказал! – прикрикнул на него старший распорядитель.

И, подойдя ближе к Карлику, зашептал:

– А хочешь, малыш, репетицию в дневное время и готовый сценарий для выступления? С гарантией успеха? Проверено, лучший наш автор...

– Я псих, а не малыш, – недовольно пробурчал Карлик. – В туалет я хочу... Слушай, у меня и так голова болит. Кожа тонкая, череп слабый. Мысли мои не держит. Да и парфюм

тут такой, что и стерпеть нельзя. У тебя то ли духи, то ли пудра...

– Что ты в парфюме понимаешь? – сказал старший распорядитель и улыбнулся. – Впрочем, иногда и запах пота, немытого тела... Шарман, правда?

– Я голову вымыть хочу! – заявил Карлик.

– Ладно, – вздохнул старший распорядитель. – Всё равно я тебя люблю. Я всех артистов люблю. Хорошие они, чистые... душой. Я и сам бы артистом стал, да уж больно чувствительный я и кожа у меня тоже тонкая. Рвётся легко... Ты меня поймёшь, я знаю!

И он самыми кончиками губ поцеловал поёжившегося Карлика в щёку.

Потом отошёл к двери и сказал:

– Распоряжение по репетициям. Малыш – в час дня...

– Слушаюсь! – прорычал из-за спины распорядителя Боцман.

Карлик вытер щёку и заёрзал беспокойно, словно стала одолевать его невесть откуда взявшаяся чесотка.

– Хорёк!.. – торжественно провозгласил распорядитель, ткнув в меня пальцем, – в одиннадцать вечера!

– Слушаюсь! – громче прежнего гаркнул Боцман и снова захлопал каблуками.

– Чего ты, толстый, за нас отвечаешь? – пробурчал Карлик. – Я, может, недоволен, обжаловать хочу...

– Отдыхай, гений мой капризный, отдыхай, – успокоил его старший распорядитель.

И, развернувшись, пошёл прямо на попятившегося к двери Боцмана.

– У меня в сумасшедшем доме был роман с санитаром, – заявил Карлик. – Он очень ревнивый!

Старший распорядитель, не оборачиваясь, погрозил ему пальцем. Боцман, задом раскрыв дверь, вывалился в коридор и прижался к стене.

Старший распорядитель вышел и Боцман быстро (торопливо, как мне показалось) закрыл за ним дверь.

– Ну как? – спросил я Карлика. – Воспользуешься предложением?

– У меня свой сценарий, – ответил он. – Переделывать поздно... Да он... Сам видишь – на экзотику тянет. Карликов он, видите ли, не пробовал! Тоже мне, благодетель... Разве это... судьба?

– Не судьба, – согласился я. – Он тут единственный, кто одет прилично. А в остальном – ерунда... Нужен он артисту... что тебе от такого...

Карлик кивнул и снова вытер щёку. Уголком одеяла.

Вечер тянулся тянулся долго, лениво полз – час за часом.

Карлик лежал молча и практически неподвижно (разве что иногда переворачивался с боку на бок).

Рыжий ходил из угла в угол своей клетки (которую делил он с Поваром), иногда хватался за прутья решётки и тряс их.

– Рыжий! – позвал я его.

Он подошёл, отогнул лист картона, что прислонен был к прутьям с его стороны (и играл роль импровизированной, и весьма условной, ширмы, что скрывала нас от взоров соседей... а их – от наших взоров...) и спросил:

– Чего тебе, грызун?

Он никогда не называл меня Хорьком. Постоянно придумывал какие-то новые прозвища и обращения. Мне так и не удалось понять – хотел ли он оскорбить меня, продемонстрировать своё остроумие (но это уж точно у него не получилось!) или же просто развлекался со скуки (свой чудесный, никем ещё ранее не виданный номер он придумал в первые дни пребывания в клубе, и далее – лишь убеждал скульптора в своей правоте, на столкновения с охраной и на вечные свои припадки, которые по мере приближения открытия сезона становились, по-моему, всё острее и опасней).

– Волнуешься, Рыжий? – спросил я.

– Оставь его в покое! – заорал неожиданно Повар откуда-то из невидимых для меня глубин клетки.

– Да! – взвизгнул Рыжий. – Оставь меня! Завистник!

И резко отпустил ударивший по жалобно и тонко загудевшим прутьям лист картона.

– Убийца! – услышал я голос Повара. – Он специально тебя к самому краю подманивает, специально! Осторожней с ним, бедный мой принц, осторожней! Он столкнёт тебя в бездну!

«Идиоты» прошептал я и подошёл к двери.

Прислонившись вплотную к часто наваренным на стальные балки витым прутьям, я изогнул голову, заглянул за угол коридора, в полумрак, почти растворивший вываренно-лимонный свет двух слабых лампочек, что свисали с потолка на тонких, скрученных в спираль, до черноты грязных проводах.

Я смотрел на пустой коридор (странно, сегодня охранники как будто совсем о нас забыли). Налёг на дверь – и она со скрипом отворилась.

– Непорядок,.. – сонно прошептал Карлик. – Идиот Боцман дверь забыл закрыть.

– Он не артист, – ответил я. – Что он знает о свободе.

Я открыл дверь и вышел в коридор.

– Чай у них попроси! – крикнул мне вдогонку Карлик.

Я плохо ориентировался в служебных помещениях клуба и плутал почти полчаса, выискивая дежурную комнату охраны. Один раз едва не забрёл в бухгалтерию... Какая-то старушка, прижимая к груди толстую синюю папку в ползущими из неё во все стороны разноцветными листами, выпозла из кабинета в самом конце длинного, пропахшего чернилами коридора, увидела меня – пискнула испуганно и куда-то пропала. Словно провалилась сквозь пол – я поклясться мог бы, что не забежала она обратно в кабинет, и вообще никуда не ушла. Исчезла...

«Опыт» с уважением подумал я.

Ещё проходил, видимо, мимо кухни клубного ресторана. Помню долетевший запах и едва слышное шипение жарящегося мяса (бифштексы?) и ещё... Кажется, аромат сырного соуса.

Потом спустился по лестнице вниз, прошёл метров сорок вперёд, ещё раз спустился вниз.

И понял, что, по какой-то счастливой случайности, нашёл, наконец, верный путь.

Я вышел в тот самый коридор, что вёл к нашим камерам-клеткам. Но вышел я к нему непонятно каким образом... Векдь не было здесь двери! Я проходил здесь, но никакой двери не заметил.

Или тусклый свет сыграл со мной дурную шутку?

Я стоял, размышляя о загадках здешних комнат и проходов, и (на пятой минуте раздумий) услышал такой знакомый, раскатистый, раздражающий до судорог, идиотский

смех охранников.

[Купить полную версию книги](#)